

2. «Устроим второй Муроме». Массовые беспорядки в Александрове 23-24 июля 1961 г.

События в Муроме вызвали эффект домино. Надписи на домах в Коврове, призывавшие к мести, были первой ласточкой. Волнения в Александрове (тоже город во Владимирской области) были уже

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91127. Л.52

серьезным симптомом. Они вспыхнули спонтанно, под влиянием стандартной конфликтной ситуации - «обиженные солдаты». Но зачинщиков беспорядков бесспорно вдохновляло желание «устроить как в Муроме»². Эта фраза в различных вариациях неоднократно прозвучала в ходе бунта. Несмотря на апелляцию участников волнений к муромскому опыту беспорядки в Александрове представляли собой довольно «чистый» пьяный бунт, в котором почти не было «политики» и «антисоветчины».

В составленный нами список осужденных за беспорядки в Александрове попало 19 человек. Из них 12 имели в прошлом судимость или привлекались к ответственности за хулиганство, мелкие хищения, как минимум отсидели по 15 суток в милиции под арестом. Четверо в прошлом были приговорены к длительным срокам заключения за серьезные преступления (покушение на убийство, грабеж и т.д.) или имели по несколько судимостей. Один из зачинщиков беспорядков был отпетым хулиганом (четыре судимости). Только у семерых из нашего списка не было криминального или хулиганского прошлого (во всяком случае в милицию они не попадали). Один из них был кандидатом в члены КПСС. Другой - героем войны, награжденный наградами, которые давались за личную храбрость, медалью «За отвагу» и орденом «Слава» III степени. Вся семерка, имевшая репутацию «морально-неустойчивых», была во время беспорядков пьяной, легко поддавалась коллективному психозу и впоследствии с трудом вспоминала о своих действиях.

Лейтмотивом событий в Александрове стало обычное стремление доминировавших в толпе «обиженных» к социальному реваншу, к расправе с ненавистной милицией, сконцентрированное в выкриках: «Бей гадов! Они полжизни у меня отняли»¹; «Совсем обнаглели» и т.п.

Конфликт на Советской площади. Солдаты Грездов и Крылов

В воскресный день 23 июля 1961 г. два солдата В.Грездов и А.Крылов приехали в Александров поразвлечься из Загорска. К вечеру они напились пьяными и нелегкая занесла их на центральную площадь

1 РГАНИ. Ф.5. Оп. 30. Д.373. Л.40

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.2

города - Советскую, где находился и городской отдел милиции. Там они и попались на глаза майору милиции Кузнецову. Майор был в штатском, и солдаты не приняли всерьез его «приглашения» в горотдел. Начались препирательства. В конце концов нарушителей спокойствия скрутили и силой затащили в помещение милиции. Дежурный по горотделу немедленно поставил в известность начальника местного гарнизона подполковника Черейского.

Конфликт незадачливых солдат (впоследствии оба были осуждены за хулиганство) с милицией привлек внимание нескольких сердобольных женщин. Обиженные «пьяненькие» часто вызывают иррациональную жалость у русских женщин. Так было и на этот раз, тем более, что некоторые женщины, оказавшиеся свидетельницами происшествия, тоже были выпивши. На их выкрики стала собираться толпа.

По случаю выходного дня было много пьяных. В толпе выделялись автослесарь Леонид Логинов (33-х лет, несколько раз привлекался к ответственности за мелкое хулиганство, от жены ушел, платил алименты на содержание троих детей), помощник машиниста Владимир Федотов (29 лет, три судимости за хищения государственного имущества, отец малолетней дочери), конюх железнодорожной больницы Александр Кручинин (33-х лет, инвалид III группы - нет левого глаза, отец двоих детей) и плотник Владимир Дмитриев (32-х лет, отец десятилетнего сына, судимостей и приводов в милицию не имел)¹. Все они призывали к расправе над милиционерами.

Кручинину принадлежало авторство лозунга «Устроим второй Муром!», напрямую отсылавшего толпу к опыту предшественников. Эта же тема присутствовала и в выкриках Дмитриева. Он же неосознанно пытался вывести ненавистных милиционеров из-под защиты советских мифов о «самой справедливой власти на свете», превратить их в «чужих» и «чуждых» не только толпе, но и самому режиму. После нескольких часов погромного активизма, замахиваясь на работника тюрьмы Степанова, Дмитриев закричал: «Бейте его, он такой же

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.103

полицей»². Это моральное «уравнение», как бы превращавшее александровских милиционеров в нацистских пособников - «полицаев», избавляло не имевших криминального опыта участников погрома от комплекса вины перед властью. Большинство зачинщиков не углублялись в моральные дебри. Они нападали на милицию потому, что она была «плохая» и выкрикивали лозунги: «Отпустите, гады, солдат»³.

Конфликт на Советской площади. Подполковник Черейский

Около 7 часов вечера 50-60 взбудораженных людей, собравшихся у горотдела милиции, ругались и требовали освобождения задержанных солдат⁴. Чуть позднее на площадь приехал подполковник Черейский с четырьмя солдатами, затем городской прокурор, уполномоченный КГБ и несколько местных партийно-советских руководителей среднего звена, безуспешно пытавшихся утихомирить толпу. Военный комендант хотел увезти задержанных военнослужащих в комендатуру. Толпа достигла 100 человек. Под выкрики об избитых солдатах люди преградили коменданту путь к машине. Конфликт разворачивался во дворе милиции. В сутолоке охрану оттеснили и силой освободили Крылова. Он затерялся в толпе и скрылся. Впоследствии Крылов явился в свою часть в Загорске⁵.

Активность и воодушевление вожаков нарастали. Леонид Логинов, например, не давал машине с задержанным Грездовым выехать из ворот милиции, упирался в буфер, подставлял ноги под колеса, бил кулаками по капоту, отстегивал брезент, открывал двери, не давал открывать ворота и кричал: «Давите, я не отойду»; «Бей их, и не выпускай машину». На требования милиционеров Логинов отвечал матом, а одному из них сказал: «Я тебя, гад, сейчас загрызу»⁶.

Овладеть ситуацией в начале событий властям не удалось. К толпе присоединялись новые люди, которые заражались друг от друга истерическим воодушевлением. Когда машина с Черейским и Грездовым

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.276-277

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.287

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.47-48

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.27

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.27-28

6 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.48-49

все-таки уехала, погромщики попытались взломать входную дверь горотдела. Около 8 часов вечера подполковник Черейский вернулся на площадь, надеясь задержать Крылова, - на этот раз в сопровождении уже 8 солдат. Но и толпа, в которой было много пьяных, достигла 500 человек. Именно в это время впервые прозвучал лозунг «Устроим как в Муроме!» в сопровождении стандартных погромных выкриков: «Давайте громить отдел!», «Бейте милицию!» и т.п. Люди окружила машину, на которой приехал Черейский с солдатами, и стали ее раскачивать, пытаясь перевернуть¹. В общем-то логических причин громить милицию уже не было. Грездов был перевезен в комендатуру, Крылов - сбежал. Именно это и пытались объяснить толпе Черейский, а также представители властей и начальник милиции. Все было бесполезно. Больше всех досталось военному коменданту, который оказался в руках толпы. Его оскорбляли, хватали за одежду, наносили удары².

В толпе появились новые «активисты», развившие первый успех погромщиков. Почти все они в момент событий были пьяны. Около 20.00 в ход событий энергично включился двадцатитрехлетний слесарь-сантехник Евгений Вачин, имевший в городе репутацию «нарушителя трудовой дисциплины и общественного порядка». Вачин мешал выезду машины со двора милиции, требовал освобождения задержанных солдат, гнался за подполковником Черейским по площади, призывал к расправе над милиционерами: «Бить их надо, гадов»³. Позднее, около 9 часов, он попытался ворваться в здание городского отдела милиции и участвовал во взломе входной двери.

Боевое настроение толпы подогревал своими выкриками шорник Василий Барабанщиков (31 год, четыре судимости за хулиганство⁴). Его отец вернулся с войны инвалидом II группы и в 1949 г. умер от ран и болезней. Сам Василий в 1941 году попал под немецкую бомбежку и получил увечье руки. Будучи типичной жертвой обстоятельств и тяжелого детства, Барабанщиков попал в дурную кампанию, начал пить

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.4-5

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.28

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.290, 277

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.52

и хулиганить. Молодость его прошла в лагерях. В заключении он тяжело заболел и был признан негодным к физическому труду¹.

Василий требовал освободить задержанных солдат, рвался в помещение горотдела, преследовал по площади подполковника Черейского, кричал, что работники милиции избивают арестантов. Увидев стоявшую на крыльце дружинницу, Барабанщиков закричал: «Тащи ее! Если не отсюда, то из суда она живой не уйдет!»². Допросами свидетелей было установлено, что Барабанщиков спас от избиения одного из свидетелей и помог выбраться из толпы секретарю горкома партии³. Очевидно в сознании сына бывшего фронтовика, сражавшегося за Советскую власть на фронте, органично уживались стандартные идеологемы коммунистической эпохи и ненависть к «гадам-милиционерам». Секретарь горкома партии скорее всего олицетворял для Барабанщикова «справедливую власть», до которой нужно только докричаться, а работники горотдела милиции были воплощением «темной силы», поломавшей жизнь Василия. На подобных психологических стереотипах в значительной мере базировалась устойчивость советского режима. Даже многие его потенциальные противники старались вписать свое «альтернативное» поведение в систему идеологического мифа об «отдельных недостатках», вызванных действиями конкретных «врагов-бюрократов».

В избиении подполковника Черейского принял участие Василий Гречихин, неработающий инвалид I группы, 31 года от роду, отец троих детей, имевший судимость за мелкую спекуляцию и приводы в милицию за нарушение общественного порядка. На месте событий Гречихин оказался совершенно случайно. Автобус, на котором выпивший Василий и его жена ехали домой, был остановлен толпой на Советской площади. Но Гречихин так органично влился в бунтующую людскую массу⁴, что трудно поверить, что это у него, инвалида, были изуродованы кисти обеих рук.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.251-252

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.38

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.112

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.125

Еще одним героем «погони» за Черейским был грузчик Павел Зайцев, 1925 года рождения, отец троих детей, герой войны (награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу»). В день волнений Зайцеву не повезло вдвойне. Он не только оказался замешанным в массовых беспорядках, но и сам стал жертвой погромного безумия. Когда, уже после 10 часов вечера, милиция начала стрелять в людей, ворвавшихся в здание горотдела, группа хулиганов приняла Зайцева, оказавшегося в одном из кабинетов, за сотрудника милиции. Несколько человек зверски избили его ногами, а затем схватили за руки и за ноги и стали швырять на пол. Зайцев попал в больницу с тяжелыми побоями.¹

Активное участие в преследовании Черейского на площади принял разнорабочий Анатолий Сингинов, имевший две судимости (за грабеж и за кражу) и несколько приводов за хулиганство. Жил в общежитии, с женой разошелся, но развод не оформил. Своего малолетнего ребенка Сингиновы отдали в детский дом. Сингинов энергично призывал собравшихся к погрому, а когда толпа начала раскачивать военную машину, приехавшую за задержанными, именно он выступил в роли «координатора», подавая команду: «Раз, два»².

Около 8 часов вечера в гущу событий попал плотник Константин Савасеев, люто ненавидевший милицию. Во время прогулок по городу с подругой он всегда старался обойти стороной «эту милицию»³. Причины такого отношения понятны. К 35 годам Савасеев имел судимость за покушение на убийство и два привода за хулиганство. Он вырос в большой семье (шестеро детей), тяжело болел в детстве, и, по уверению матери, из-за осложнений после скарлатины начал говорить только в семь лет. В школу пошел с опозданием на два года. Отчим часто пьянствовал и выгонял мальчишку на улицу. В 15 лет Константин начал работать. В 1953 году, опять-таки по рассказу матери, он встретил на улице убийцу своего брата, спросил, за что убил и получил в ответ: «Собаке собачья смерть». Савасеев жестоко избил обидчика, что и было

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.35, 284

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л. 45

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.82

квалифицировано как покушение на убийство. В семье считали, что с Константином поступили несправедливо¹.

Савасеев активно заступался за товарищей по несчастью - задержанных солдат, кричал, что их задержали незаконно, что над ними издеваются, что их надо освободить силой. Он не давал машине с задержанным выехать со двора милиции, вырывал руль из рук шофера, оторвал ручку от двери автомобиля, поранив при этом себе руку. Савасеев, показывая окружающим эту окровавленную руку и обвинял в своем ранении работников милиции, что еще больше возбудило толпу².

Погром и поджог городского отдела милиции.

Черейскому в конце концов удалось скрыться от преследования толпы в помещении городского отдела. А события вступили в свою наиболее активную фазу. О «солдатиках» забыли. Толпу вдохновляли новые цели. Около 20 часов 40 минут группа в 40-50 человек под крики «Бей, громи милицию!» стала забрасывать здание горотдела камнями и кирпичами³. Вооружившись палками и брусками от садовой изгороди, хулиганы стали бить стекла, выламывать рамы и металлические решетки в окнах помещения милиции. Пока одни забрасывали горотдел камнями, другие перевернули и подожгли милицейский мотоцикл с коляской (Савасеев устроил даже что-то вроде ритуального танца вокруг горящего мотоцикла⁴). Они откатали на площадь и опрокинули на бок милицейскую машину ГАЗ-69, а затем подожгли и ее. Тогда же хулиганы избили командира отделения пожарной охраны, пытавшегося предотвратить поджог. Прибывшим на площадь пожарным автомашинам погромщики преградили путь и не допустили их к горящим автомобилям¹.

Нападающие осадили здание горотдела милиции с трех сторон и стали ломиться в парадную дверь горотдела милиции. В качестве тарана использовали садовую скамейку, вырванную из земли изгородь палисадника и т.д. В это время в здании находилось 12 милиционеров.

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.249-250

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.32

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.2

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.32

Часть из них, охранявшие входную дверь и дежурное помещение на первом этаже, забаррикадировались мебелью и произвели 364 выстрела вверх. Это не остановило нападавших. Около 10 часов вечера дверь поддалась напору атакующих. Подбадривая себя криками: «Не бойтесь, они только пугают!», - погромщики ворвались на первый этаж. Они вламывались в кабинеты, разбивали мебель, вытаскивали и выбрасывали на улицу сейфы со служебными документами. Именно тогда в коридоре был зверски избит П.Зайцев, принятый по ошибке за сотрудника милиции, стрелявшего в погромщиков.

Спустя некоторое время было подожжено правое крыло здания. Пожар быстро распространялся¹. Арестованные из горотдела были переведены в находившуюся рядом тюрьму. Около 23 часов загорелось и левое крыло здания. Находившиеся на втором этаже городской прокурор, начальник милиции и уполномоченный УКГБ по телефону информировали о ситуации горком КПСС, областного прокурора и руководство УКГБ и УВД Владимирской области. На место событий были высланы войска. Первые две роты были без оружия и никакого влияния на ход событий оказать не сумели. Некоторые лидеры толпы попытались даже распропагандировать этих солдат, призывали их повернуть оружие против милиции («перейти на сторону народа»), объясняли, что толпа бьется за «правое дело» - мстит за обиженных солдат. Только прибывшее позднее вооруженное подразделение под командованием генерал-майора Корженко сумело взять ситуацию под контроль, да и то не сразу.

В ходе этой активной фазы беспорядков жертвами погромщиков стали некоторые представители власти и очевидцы событий, призывавшие к восстановлению порядка. Так, у здания милиции были избиты начальник горотдела милиции Никифоров, секретарь партийной организации одного из александровских заводов Романов, неизвестный подполковник пограничных войск, находившийся в Александрове в отпуске, рабочий александровской фабрики и бывший сотрудник КГБ И.Бабашкин, В.Быватов (тоже бывший сотрудник КГБ), заместитель

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.28

командира народной дружины П.Шилов. Милиционер Г.Прошман получил ножевое ранение в область груди².

Такова была внешняя канва событий развернувшихся на Советской площади у здания городского отдела милиции и внутри него с половины девятого до одиннадцати часов вечера 23 июня 1961 г. Среди «активистов» разгрома милиции оказались наши старые герои. Первый сигнал к взлому дверей городского отдела подал Гречихин³. Его поддержали уже известные нам Логинов, Барабанщиков и Сингинов. Именно Барабанщиков вместе с новым персонажем погромной драмы экскаваторщиком Александром Сидоровым догадался использовать садовую скамейку в качестве тарана. 32-летний Сидоров (имел три судимости - за грабеж, за хулиганство и за «нанесение телесных повреждений»⁴) появился на месте событий около 10 часов вечера. Он был одним из авторов идеи поджога здания милиции: «Их, гадов, надо убивать и сжечь!». Александр участвовал и в избиении начальника милиции Никифорова. Поступков своих он не помнил или, опираясь на свой прошлый криминальный опыт, предпочел не вспоминать⁵.

Другой активный поджигатель - стрелок отряда военизированной охраны железной дороги Алексей Зюзин - трижды оказывался в центре событий: освобождал заключенных из камеры для вытрезвления, бросил в помещение бутылку с горючей смесью и пытался поджечь здание тюрьмы горящим мотоциклом. Следствие и суд охарактеризовали его впоследствии как «морально-недостойную личность». Однако по меркам режима Зюзин не просто был законопослушным гражданином (не имел судимостей и приводов в милицию), его лояльность подтверждалась принадлежностью к КПСС (кандидат в члены партии). Он оказался замешанным в событиях прежде всего по пьянке - после работы выпил с тестем пол-литра.

Обстоятельства участия Зюзина в поджоге здания не ясны. Трудно поверить, что пьяный человек, затянутый в воронку погрома,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.6

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.10-11, 29

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.43

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.51-52

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.36-37

имел время и мог самостоятельно изготовить бутылку с «коктейлем Молотова». Сам Зюзин писал в жалобе Генеральному прокурору СССР, что к нему подошли двое неизвестных и стали предлагать «бутылку с горючим, а каким я не знаю. Я отказывался и вступил с ними в брань. Но они мне угрожали расправой, и я взял, заставили идти за ними, они шли по обе стороны, я у них был в середине. Дошли до здания ГОМ (городского отдела милиции. – В.К.) метров 15-20, и заставили кинуть, они показывали куда ее кидать, вовнутрь, но я ее кинул об угол с наружной стороны»¹. Косвенно рассказ Зюзина свидетельствует о существовании обычных для таких ситуаций закулисных сил, ловящих рыбку в мутной воде погрома и в конце концов остающихся в тени.

Одной из первых жертв физического насилия со стороны погромщиков стал И.Бабашкин. Именно его жестокое избиение (первым был подполковник Черейский) развязало кровавые инстинкты толпы. Попытка Бабашкина вмешаться в ход событий была одним из критических моментов волнений. Погромщики в такие минуты демонстрируют повышенную агрессивность, давят «инакомыслящих» единственным доступным им средством - насилием или угрозой насилия. После этого они, как бы перейдя Рубикон, и соединенные общим грехом, становятся еще агрессивнее. А сопровождающая обычно такие действия уголовная истерика, рассчитанная на запугивание, окончательно гасит призывы к здравому смыслу. Так было и на этот раз.

В избиении Бабашкина участвовали некоторые из «старых» лидеров беспорядков, например, Гречихин. Но решающую роль в критический момент погрома сыграла истерическая активность Зинаиды Ключковой. Эта женщина, как и многие другие, попала на площадь случайно (шла с подругой из кино), но вела себя так, как будто давно готовилась к этому «звездному часу». В каком-то смысле это не так уж и далеко от истины. В 1961 г. Ключковой было 30 лет, и работала она поваром в поликлинике Красноярского аэропорта. Но, наверное, всю свою жизнь помнила об обиде юности. В 16 лет (в 1947 г.) ее приговорили к одному году лишения свободы за покушение на грабеж,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.304 об.

совершенное без насилия. Фактически же, речь скорее всего шла о какой-нибудь попытке стащить кусок хлеба у торговца на базаре или о чем-нибудь подобном. Но жестокий сталинский режим в то время проводил свою очередную кампанию - боролся с преступностью, действительно захлестнувшей страну после войны. Применялся тот же, что и в политике метод репрессивного массового устрашения, а наказание сроком в один год давали тогда «просто так», «ни за что» - чтобы другим неповадно было. Жизнь девушки-подростка переехало колесо бездушной государственной машины.

В 1961 году Зинаида Клочкова попыталась вернуть старый долг, и действовала она при этом по образу и подобию обидевшей ее власти - не разбирая правых и виноватых, слепо и жестоко, добавив к этому еще и полученный в «зоне» криминальный опыт. Не случайно, когда присутствовавшие на площади женщины возмутились поведением Клочковой («женщина, а что может делать»), из глубин ее подсознания выплыла лагерная фраза: «Замолчите падлы, а то горло перегрызу»¹. Клочкова вообще пыталась всячески нейтрализовать тех, кто призывал погромщиков образумиться. «Здравомыслящим» она угрожала расправой, поджогом их домов, т.е. использовала довольно обычные приемы уголовного запугивания жертв. Позднее призывала солдат не препятствовать беспорядкам, а наоборот - оказать помощь в разгроме милиции и тюрьмы². Тогда же, по утверждению следствия и суда, Клочкова обращалась к толпе с призывом к расправе над коммунистами и к разгрому городского комитета партии (сама подсудимая это обвинение отрицала)³.

Едва в действиях толпы, громившей милицию, возникла некоторая «заминка» (предупредительные выстрелы милиционеров в связи с началом штурма), на чашу весов в пользу продолжения волнений легли громкие выкрики штукатура Владимира Горшкова. Именно он «озвучил» традиционный для большинства волнений такого рода просоветский

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.92

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.98

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.42

миф: не бойтесь, в народ стрелять не будут¹. Подобная уверенность особенно присуща случайным людям из толпы, тем, кто не имел лагерного и тюремного опыта. Именно таким и был 28-летний Горшков, человек довольно образованный по сравнению с другими «активистами» погрома - окончил 9 классов, не имевший ни судимостей, ни приводов в милицию за хулиганство. Он попал на Советскую площадь после 9 часов вечера, был, по его собственному признанию, «пьян и поддался мнению возбужденной толпы»². Во многом благодаря его усилиям была взломана входная дверь в помещение милиции. Горшков во главе толпы первым ворвался внутрь здания с криком: «Братцы, вперед!», «Бей гадов!», «Громи!»³. Важную роль сыграл Горшков и в нападении на тюрьму (об этом будет рассказано ниже). В конце концов (около 11 часов) после двухчасовых подвигов жене удалось увести пьяного супруга с места событий.

В эпизоде с пожарными машинами толпы также «вытолкнула» несколько солистов. Одним из первых бросился навстречу пожарной машине уже известный нам Сингинов. В результате дорога к очагу пожара была заблокирована, а пожарные повернули назад⁴. Из «новичков» особенно отличился прессовщик Николай Воронов, который имел боевое прошлое (участник и инвалид войны, награжденный медалями «За отвагу» и «За победу над Германией»). После войны он не сумел адаптироваться к мирной жизни, был дважды судим за злостное хулиганство, с последнего места работы уволен «за систематическое нарушение трудовой дисциплины и хищение цемента»⁵.

Пьяный Воронов включился в беспорядки около 10 часов вечера. Вместе с другими погромщиками он откатывал милицейскую машину от здания горотдела (впоследствии машину подожгли), а когда работница паспортного стола милиции попыталась им помешать, ударил ее ногой в

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.34-35

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.61

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.34-35

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.45

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.275

живот и потребовал, чтобы она ушла¹. Потом участвовал в погроме и поджоге паспортного стола. С появлением пламени призывал остальных швырять в окна что-нибудь горючее, чтобы сильнее разгорелся огонь. Все это сопровождалось словами: «Правильно сделали, что сожгли. Давно бы надо сжечь»².

Одновременно с Вороновым к погромщикам примкнул кочегар Анатолий Борисов (30 лет от роду, трижды привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка)³. Так же как Воронов он участвовал в эпизоде с милицейской машиной и мешал пожарным подъехать к очагу пожара, угрожая шоферу: «Что тебе, жить надоело»⁴.

Все эти зачинщики, вытолкнутые толпой вперед, как бы отыгрывали свои роли и исчезали за кулисами событий, растворяясь в толпе, чтобы затем или отправится домой спать, как Горшков, или вынырнуть из бурного потока волнений - в другой роли, в другом месте или в другое время. При этом, как это было в случае с Зюзиным, всегда остается некоторое сомнение: имеем ли мы дело исключительно со спонтанной самоорганизованностью толпы или помимо очевидных зачинщиков были еще зачинщики неочевидные, закулисные, подставлявшие вместо себя других. Скорая на расправу власть как правило редко докапывалась до ответа на этот вопрос, что, впрочем, только усиливало ее подозрительность и энтузиазм в поисках тайных врагов режима.

Нападение на тюрьму

Самостоятельным эпизодом погрома, завершившимся настоящим сражением, было нападение на тюрьму № 4 (находилась в прилегавшем к городскому отделу здании). Всего в тюрьме во время нападения содержалось 169 заключенных, в том числе 82 особо опасных преступника¹. Охрана насчитывала 22 человека. Идея освобождения заключенных почти одновременно была «озвучена» несколькими

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.19, 281

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.282

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.275-276

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.19-21

зачинщиками беспорядков в то время, когда в милиции начался пожар². Само нападение на тюрьму спонтанно выросло из предыдущей фазы волнений. И наиболее важную роль сыграл, вероятно, 25-летний шофер Алексей Федоров³, брат которого сидел в это время в КПЗ за мелкое хулиганство.

Алексей появился на месте событий около восьми часов вечера, пьяный. В жалобе на имя Генерального прокурора СССР Федоров писал: «В этот вечер я был выпивши. Гражданин прокурор, я все это сделал легкомысленно, не подумав своей головой. Я шел не специально громить, я шел на танцы в парк, цели у меня никакой не было. Попал под несчастный случай, все у меня получилось случайно⁴. Тем не менее Федоров вел себя крайне агрессивно. Он с самого начала участвовал в погроме горотдела⁵. На замечания нескольких коллег по работе ответил матерной руганью⁶. Когда загорелось здание милиции, Федоров почувствовал тревогу за брата: «Крикнул, что надо освободить, которые сидели в КПЗ за мелкое хулиганство...»⁷.

В нападении на тюрьму участвовало, по оценке милиции, лишь человек 30 или 40. Большинство столпившихся на площади предпочли в это дело не вмешиваться. Боялись! Константин Савасеев безуспешно пытался вселить в собравшихся боевой дух: «Народ, что стоите, если народ пойдет, стрелять не будут»⁸.

Когда начался штурм, охрана сделала несколько предупредительных залповых выстрелов вверх. Безрезультатно. Возникла угроза пролома ворот и дверей. Освобождение заключенных преступников становилось все более реальным. Дежурный помощник начальника тюрьмы отдал приказ стрелять на поражение в ворота тюрьмы и в дверь дежурной комнаты на уровне человеческого роста. Решение было принято на основании «Инструкции об организации

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.9

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.2

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.56

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.297 об.

5 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.116

6 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.47

7 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.297 об.

8 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.73

охраны и надзирательской службы в тюрьмах МВД». Даже выстрелы не остановили участников штурма. «Боевики» трижды закрывали окно дежурного помещения щитом и пытались под его прикрытием приблизиться к тюрьме, но выстрелами через щит их отгоняли.

Одновременно была предпринята попытка подкатить к воротам тюрьмы горящий мотоцикл и использовать его для поджога здания. Один из участников этой авантюры был убит. Остальные отступили. Но наступательного духа не потеряли. Они сумели захватить и поджечь тюремную автомашину ГАЗ-51. Огонь мог перекинуться на канцелярию, где находились личные дела заключенных, а также на некоторые тюремные помещения. Выстрелами погромщиков удалось отогнать от горевшей машины, затем охрана сумела погасить огонь¹.

Во время штурма тюрьмы четверо нападавших были убиты, и одиннадцать ранено. Случайное ранение в колено получила 15-летняя школьница. Несколько человек попали в больницу с ожогами, полученными на пожаре. Количество раненых было, вероятно, больше, поскольку в городе были зафиксированы случаи анонимных обращений за медицинской помощью с легкими огнестрельными ранениями².

Только к 2 часам ночи 24 июля прибывшие в Александров воинские подразделения подавили бунт, а пожарные команды смогли приступить к тушению пожара. Помещения милиции и аппарата к этому времени уже полностью выгорели. В огне погибло множество служебных документов, уголовных дел, бланков паспортов и т.д. ³.

Следствие оставило открытым вопрос о некой криминальной группе, действовавшей за кулисами событий и использовавшей массовое недовольство в своих интересах. Не найдя действительных зачинщиков и организаторов, следствие склонилось к «стихийной» версии возникновения беспорядков. Между тем секретарь Александровского горкома КПСС Королев, пытаясь оправдаться, на пленуме Владимирского обкома КПСС 12 августа 1961 г. явно противоречил версии следствия: «Но как это могло случиться стихийно,

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.8-9

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.11-13

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.30-31

когда на улице появились бутылки с горючим. Объясняют, что эти бутылки из-под водки и были наполнены бензином, а мы нашли бутылки не из под водки, а из под растительного масла. Почему, приезжая из Красноярска Ключкова оказалась в это время у здания милиции, и когда забирали солдат, она первая подняла шум. Разве это случайно? Не случайно пьяная группа во главе с Шименковым сидела у здания милиции. Как же это можно объяснить, что произошло стихийно. Ясно, что тут была подготовка и основная задача перед этой группой была освободить тюрьму. Причем эта Ключкова, она сейчас арестована и будет строго осуждена, она же кричала на площади: «Давайте громить горком, душить коммунистов», а Шименков залез на крышу: «Давайте душить советскую власть». *В этом сомнения нет, что тут велась подготовка* (курсив мой. В.К.)»¹. Может быть, Королев был прав, а скорые на расправу власти предпочли по обыкновению наказать самых крикливых и громких, а не самых опасных?

«Принятие мер»

24 июля по факту беспорядков в г.Александрове было возбуждено уголовное дело по признакам ст.79 УК РСФСР (массовые беспорядки). Расследование вела специально созданная и выехавшая в Александров оперативная группа КГБ при Совете Министров СССР². На место происшествия прибыли руководящие работники Владимирского обкома КПСС, исполкома областного совета, управления внутренних дел, прокурор области, начальник следственного отдела прокуратуры области и другие. В городе был проведен городской партийный актив, а на предприятиях и в учреждениях партийно-комсомольские собрания.

Идеологическими мерами дело в таких случаях никогда не ограничивается. Власти подумали и о полицейских предосторожностях. Несколько дней город патрулированы военные. Были усилены дружины, члены которых также патрулировали по Александрову³. Шел поиск

1 РГАСПИ. Ф.17. Оп.91. Д.1498. Л.25-26.

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.13

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.2-3

активных участников беспорядков. Найти их не составляло особого труда - в первые же дни было арестовано 13 человек¹.

22-25 августа на открытой выездной сессии Владимирского областного суда было рассмотрено уголовное дело по обвинению девяти активных участников нападения на Александровский горотдел милиции и на тюрьму. На процесс были допущены только тщательно проверенные люди. Пропуска распределялись партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями. По обычной практике подобных воспитательных процессов, призванных подтвердить «отщепенство» подсудимых, наряду с государственным обвинителем выступали так называемые «общественные обвинители» - электромонтер и ткачиха. Четверо подсудимых (Савасеев, Горшков, Сидоров и Барабанчиков) были приговорены к расстрелу, пять остальных (Клочкова, Гречихин, Сингинов, Федоров и Логинов) получили максимальный срок тюремного заключения - по 15 лет². После процесса на промышленных предприятиях города Александрова и района прошли митинги и собрания, «на которых трудящиеся единодушно одобрили приговор суда». О приговоре сообщили областная газета «Призыв» и все районные газеты области³.

5-9 октября 1961 г. состоялся второй открытый процесс. Место заседания перенесли в областной центр - город Владимир, общественные обвинители на суде не выступали. Приговоры были без смертной казни. Но все 9 подсудимых были осуждены на максимальный срок лишения свободы - 15 лет¹. Особой пропагандистской шумихи вокруг этого процесса власти устраивать не стали.

Массовые беспорядки в Александрове и судебные процессы над их активными участниками не вызвали никаких политических реакций и со стороны «антисоветских элементов» (в отличие от Муром). Вероятно, очевидный для всех криминальный характер этих событий, совершенно не облагороженных хоть каким-то подобием «политики», не мог вдохновить потенциальных «протестантов» на выражение

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.13

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.200

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. л.201

недовольства, а подпольных «антисоветчиков» - на написание листовок. Но интерес у оппозиционных групп к событиям как Муроме, так и Александрове, безусловно, был. Известно, например, что участник одной из московских подпольных групп, студент вечернего отделения философского факультета МГУ Э.С.Кузнецов, узнав о волнениях в Муроме и Александрове, специально ездил в эти города, чтобы выяснить «не носили ли эти беспорядки политического характера»¹. Подробности поездки нам, к сожалению, неизвестны.

Массовые беспорядки в двух городах Владимирской области, следовавшие практически один за другим и явно связанные между собой, вызвали бурную реакцию Москвы. 2 августа 1961 г., Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло постановление «О непринятии партийными и административными органами Владимирской области своевременных мер по пресечению хулиганских проявлений в городах Муроме и Александрове». 9 августа 1961 г. это постановление обсудил XII пленум Владимирского обкома КПСС. На пленуме выступил заведующий отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР В.И.Тищенко. Опираясь на постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР, представитель высшего партийного руководства сформулировал вопрос, который отныне будет часто повторяться в высоких партийных кабинетах: почему в Муроме и Александрове, где, «как и везде, имеются партийные, советские, комсомольские, профсоюзные и много других общественных организаций, тысячи активистов, имеются также административные органы, органы государственной безопасности, милиция, прокуратура, суды ... кучка хулиганских элементов в течение продолжительного времени безнаказанно творила бесчинства... и даже втянула какую-то часть отсталого населения в эту историю?».

Пытаясь ответить на этот вопрос, Тищенко отметил явление, никогда официально не признававшееся коммунистами, - сосуществование с советской реальностью специфического и слабо интегрированного в эту реальность социума, который полностью или

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91241. Л.291-292

частично выпадал из сферы идейно-политического контроля КПСС. «Все это идет как будто бы по форме хорошо,- говорил заведующий отделом ЦК провинившимся владимирским коммунистам, - делаются доклады, проводятся митинги, собрания трудящихся, лекции, но по существу дело обстояло так, что мы не доходили в политической работе до каждого человека. Недостаточно общаемся с людьми, не знаем их запросов и настроений. Если посмотреть всю нашу политмассовую работу – доклады собрания, то всегда на этих собраниях присутствуют одни и те же люди, а люди, которые живут на окраинах, на этих собраниях не бывают»². Партийные объяснения провалов в снабжении населения мясными и молочными продуктами, деликатно названные Пономаревым «недостатками», до этой «второй России» не доходили: «Люди сами объясняют все эти явления, а обыватели толкуют их по своему»³.

Выводы, который сделали для себя партийные власти после событий в Муроме и Александрове, чрезвычайно важны для понимания советской тактики подавления народных волнений в первой половине 1960-х гг., особенно в Новочеркасске. Во-первых, попытка председателя Владимирского облисполкома Сушкова вступить в диалог с участниками волнений и перевести события в мирное русло была оценена в Москве как политическая ошибка и даже личная трусость. «Вместо принятия решительных мер против распоясавшихся хулиганов, - говорил на пленуме Владимирского обкома представитель Бюро ЦК КПСС по РСФСР Тищенко, - вместо того, чтобы поднять быстро на подавление бандитствующих элементов коммунистов, комсомольцев, рабочих и дружинников и намять бока этой шпане, - они начали уговаривать эту шпану, пытались проводить митинг среди этой распоясавшейся публики»¹. Мирное предложение Сушкова действительно было отвергнуто бунтовщиками. Сам Сушков какое-то время утверждал: «правильно сделал, что пошел в массы». (Впоследствии его, конечно же, заставили признать ошибки). В противовес Сушкову, высшее партийное руководство настаивало на совершенно однозначной оценке: «Разве это

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.32. Д.7031. Л.200-201.

2 РГАСПИ. Ф.17. Оп.91. Д.1498. Л. Л.2.

3 Там же. Л.3.

были массы? Это не выступление народа, а выступление банды, которая сумела вовлечь какую-то часть отсталых людей для того, чтобы усилить этот эксцесс»². «Настоящую партийность», по оценке ЦК КПСС, проявила во время событий в Муроме и Александрове только охрана тюрьмы: «Их было мало, но они не растерялись, дали залп по бандитам, и это сразу отбило охоту у них»³.

Руководство СССР фактически сформулировало наиболее предпочтительный для себя алгоритм действий на будущее: бунтовщиков народом не считать, даже если в толпе полно «несознательных» и случайных людей, а насилие, коль скоро события приняли массовую форму, применять без колебаний: «В таких случаях нельзя уговаривать хулиганов и идти в оборону, нужно идти в наступление». Любые другие действия (не только бездействие) достойны всяческого порицания. Этот сигнал партийным и советским руководителям всех уровней был подкреплён вполне понятным аргументом: сам факт возникновения во Владимирской области массовых беспорядков стал поводом для снятия с должности первого секретаря обкома КПСС, а также начальников управлений КГБ и МВД.

Продекларированные партийным руководством тактические предпочтения были основаны на завышенной оценке советской лояльности населения, преувеличении готовности коммунистов, комсомольцев, рабочих безоговорочно и активно выступать на стороне властей в экстремальных ситуациях. Партийные чиновники, бывшие очевидцами событий, например, секретарь Муромского горкома КПСС Макаров, в своих выступлениях на пленуме Владимирского горкома хотя бы намекали на вялость народной поддержки: «что это означает, десять бандитов громят советские учреждения, а 3 тыс. обывателей, в том числе с партийным и комсомольским билетом созерцают?»¹. Однако партийное руководство страны, как покажут вскоре события в Новочеркасске, ошибочно считало, что, «если бы подняли рабочих, дружинников, вместо того, чтобы тратить время на уговоры, рабочие и

1 Там же. Л.3.

2 Там же..

3 Там же. Л.4.

дружинники быстро бы ликвидировали этот эксцесс. После митинга, который был проведен, рабочие возмущались, почему их не позвали на это дело, они говорили, что мы бы навели порядок, а товарищи надеялись на войсковые части, на которых не нужно было надеяться, ибо в этом не было необходимости»². Ясно, что летом 1961 г., за год до событий в Новочеркасске, власти пребывали в плену иллюзий, переоценивали степень своей легитимности в глазах народа и наивно рассчитывали на активную поддержку рабочих в острых конфликтных ситуациях. В действительности же, хрущевскому режиму, совершавшему в начале 1960-х гг. ошибку за ошибку, вскоре придется апеллировать именно к тому крайнему средству подавления недовольства, к которому он прибег, хотя и без необходимости, летом 1961 г., – к армии.

1 Там же. Л.22.

2 Там же. Л.4.